

пографы, нодо насъ дошлихъ изъ оригинальныхъ русско-русскихъ оп-
равъ только одинъ хронографъ іеромонаха Леоніа (Водошника),
описывающійся политимативнымъ характеромъ свѣдѣній о происше-
ствіяхъ церковной и гражданской жизни отъ сотворенія міра до нача-
ла XVIII ст..

§23. Повѣствованія и житія въ летописяхъ и отъдѣльно.

Библиографія:

Минотевскіе. Древне-русская житія, какъ источникъ историческій.
Владимировскій. Житія святыхъ.

Ахольевъ. Древнія сказанія о кievскихъ святыхъ.

Ахоніровъ. Житія святыхъ, какъ историческій источникъ. С. 1864.

Хрущовъ. О сказаніяхъ и повѣстьяхъ древне-русскихъ. 1878.

Въ летописи много отъ краткихъ хронологическихъ извѣстій
вероятно подробные разсказы, которые можно назвать сказаніями или
повѣстями. Очень много изъ такихъ сказаній встречается въ отъдѣльных
видѣхъ житія, по всей вѣроятности, коія и дошли до насъ только въ жезлѣ
журналистскій, дополненіемъ тоже существовать отъдѣльно. Такія ска-
занія посвящались или описанію какого-либо событія, или изображе-
нію жизни лица, прославившагося своею святостью. Такихъ
отъдѣловъ сказаній извѣстныхъ подъ именами житій святыхъ.

Въ такихъ сказаніяхъ принадлежатъ много разсказы перво-
начальной исторіи, преимущественно сказанія о Борисѣ и Глебѣ,
2 объ освященіи Василия; сюда же можно отнести сказаніе
3 объ основаніи монастыря Печерскаго, а также извѣстіе о кончинѣ
4 Осодосія и объ обрѣщеніи его мощей. Въ послѣдующихъ жур-
налахъ также много сказаній. Сюда относятся, напр., сказа-
ніе объ убійствѣ Андрея Боголюбскаго, о распрѣ его братьевъ,
о племени кнзями, о походѣ Игоря на половцевъ, о Липец-
кой битвѣ, о битвѣ при Калкѣ, о нашествіи Батюга. Пого-
варскаго погрома много другихъ сказаній особенно возросло; ука-
жемъ на самыя важныя: какія-то Андрей-кнзя во-
шедшее во много сборники житійныхъ слово новосвятую и

Житія

Понятіе о житіяхъ, какъ историческомъ матеріалѣ.

Открытіе житій, какъ историческое матеріалъ, имѣетъ чрезвычайное важное значеніе. Религіозный элементъ житій на самомъ видномъ мѣстѣ въ древней Руси; онъ сплетается со всеми явленіями жизни — политическими, общественными и семейными. При этой всеобщности религіознаго элемента жизнеописанія епископовъ, прославившихся своею святостью, пользовавшихся особыми почестями во время своей жизни и выходящихъ того приходящихъ въ рядъ рядныхъ стряпчихъ со всеми силами общества, должны, несомненно, служить однимъ изъ первоисточниковъ историковъ для историка. Въ нихъ рисуются особенно ярко боковая сторона жизни: основывается монастырь, изображается поименно краѣ, являющійся помощникомъ поговариваясь со святымъ при его жизни или погребая его мощи; изображаются радные житійскіе случаи. Въ этихъ описаніяхъ особенно важны чудеса, ибо каждое чудо выдвигается какимъ-н. случаемъ; въ описаніи этихъ случаевъ берется много выразительныхъ чертъ. При изученіи житій не слѣдуетъ упускать изъ виду, что не все они писались современниками своего или, по крайней мѣрѣ, не все сохранились въ первоначальномъ редакціонѣ; многія дошли въ редакціяхъ значительно позднѣйшихъ; слѣдовательно, изучая характеръ той эпохи, въ которой жила святая, мы должны осторожно обращаться съ историческими данными этого рода, ибо знаемъ, что историческою критикой современны не было въ виду у писателей житій, имѣвшихъ своей главной цѣлью нравственное поученіе современниковъ. Такимъ образомъ далеко не все житія могутъ служить историческимъ для изученія эпохи, въ нихъ изображаемой; но зато они служатъ драгоценнымъ историческимъ для изученія этой эпохи, когда они написаны.

Форма и содержаніе житія. Житіе по своему своему существу имѣетъ двѣ стороны совершенно различнаго происхожденія и свойства. Житіе — это ораторское произведеніе, церковная

простою, преднамеренно кофрой сиречь той же религиозно-прав-
денной истины, какъ и въ простѣхъ церковныхъ словъ, но раздѣля-
вшихся не въ отвлеченномъ анализѣ или практическомъ прило-
женіи, а на извѣстныхъ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Оба эр-
мента — литературный и историческій — имеютъ свою судьбу въ
развитіи древне-русскаго житія; но при эрмѣ трудно найди дру-
гой родъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ форма въ боль-
шей степени господствовала надъ содержаніемъ, подчиняя
последнее своимъ редкимъ, неизмѣннымъ правиламъ.

Судьба литературнаго элемента житія.

Верховное правило: * житіе ср XV в. На всей литератур-
ной древне-русскаго житія заложено складывающійся двойной сре-
зы, въ которой зародилось эр житіе и съ которой, главнымъ обра-
зомъ, связано было его распространеніе. Разсматривая житіе кра-
тисекіи, не смодуль забывать, что оно входило въ составъ богослу-
женія, читалось въ церкви во время службы свѣтлы на шестри
послѣ канона въ воскресенье и икосовъ. Въ содержа-
ніи и формѣ эр житіе кандаковъ и икосовъ не трудно заложить
литературное родство ихъ съ житіемъ. Кандакъ кратко пере-
даетъ въ повествовательной формѣ основныя черты двѣр-
ности свѣтлы; икосъ на основаніи эр житіе и кандакъ похва-
ля свѣтлы, начиная каждую черту возмашомъ: „радуясь.“
Такимъ образомъ, въ эр житіе повсѣхъ содержится литера-
турная программа житія. Таковы, именно, по своему
строю древнейшея памятники старо-русской агиографіи.
Объ эр житіе, именно, житіяхъ рукописи содержатъ
правильныя указанія на ихъ церковное происхожденіе или
употребленіе: ихъ поименованіи въ прологахъ или свѣдѣн-
ны свѣтлы послѣ всѣхъ послѣ канона. Эр первоначальный
типъ житія, точнее — прологическій, господствовалъ въ ста-
ро-русской литературѣ житій до конца XV в. Но онъ не
исчерпалъ и послѣ, когда развились и утвердились другія
формы житія: пока древне-русская агиографія кра-
тисекіи. Прологомъ нав. Борниръ кратисекіи, а иногда и поученій, расположен-
ныхъ подлѣхъ икосовъ.

ниша свой сжатый, строго-церковный стиль и не превратилась в простую биографию, до тех пор существовала потребность иметь рядом с пространно и украшенною житием и его краткое проложное изложение.

Распространенное житие жития послужило времени. В XV в. литературная форма жития получила дальнейшее развитие. В начале и конце биографии появились главы, содержащие и часть которых составляло не воспроизведение исторического явления: прежде биографический рассказ являлся образное предисловие; прежняя краткая похвала в конце проложного жития расширилась в пространное похвальное слово и отделилась от биографии в вид особой сжатой. Чуждое сдвинулось существенной и необходимой частью жития. В основном биографическом рассказе развились, именно, те типичные черты, которые обобщали историческое явление и индивидуальное явление, приближая его к общему христианскому идеалу. Церковно-образное описание жития стало на первом плане, закрова собою описание историческое. Житие превратилось в сжатое и сложное архитектурное здание, в однообразную форму, которая стремилась выскать разнообразия исторических явления.

В это время в житиях получают господствующее значение литературные приемы, устанавливаются основные правила. Сказание о святом уже не ограничивается простой исторической задачей сохранения памяти в постройке, но ставит на первом плане друга цели. При приеме и цель не только устанавливает в житиях особую точку зрения, известный условный взгляд на описываемые явления, но и определяют в них самый выбор содержания, который автор пользуется историком. Если же содержание становится вообще гораздо больше в сравнении с житием предшествующего времени, то пришлось поспешно искать не исторический элемент, а дать ему особую, условную обложку.

из которой предварительно должно снать съ него историч. Это направление развивалось въ северной автобиографіи подъ южно-славянскими, Киевскими влияніями, противопоставивъ въ нашу литературу двѣя турѣмъ. Съ юга усиливается въ северной Руси южно-славянскихъ оригинальныхъ произведеній и переводовъ; популяризируютъ образцами и поговѣями для извоженія житій въ новыхъ наставленіяхъ. Въ то же время, вѣломъ за письменными памятниками юга, появляются примылы орудья и литературные таланты, которые даютъ нашей литературѣ первое опору этого истиннаго извоженія.

Отступление отъ этого. Рядомъ съ господствующимъ стилемъ развились и отступления. Въ житіяхъ XIV и XV вв. замѣтна чистая исторіографическая цѣль: не покидая пріемовъ истиннаго стиля, стараюсь держаться на высотѣ историческаго требованія, они, однако, стараются расширить свое фактическое содержаніе на счетъ общаго жита. Немного раньше стали появляться житія, отступающія отъ господствующаго стиля; мало заботясь о фактической истинѣ, кудрявое соображеніе и съ ея менше думали о стилистической обработкѣ и отступали не только отъ принятаго въ автобиографіи пріема историческаго изобразенія, но иногда и отъ языковыхъ особенностей церковнаго языка, приближаясь въ своихъ извоженіяхъ къ живой рѣчи. Оба видоизмѣненія установившагося стиля были переходомъ отъ житія къ простой биографіи.

Житіе было неравномерно съ представленіемъ о своей жизни, и только она имѣла право на такое изображеніе. Единственный интересъ къ жизни не историческій или психологическій, а нравственно-назидательный. Въ соображеніи въ томъ общаго типичныхъ чертахъ или нравственныхъ качествъ, которые составляютъ содержаніе христіанскаго идеала и осуществленіе которыхъ, развѣтвляясь, можно найди не во всякой отдѣльной жизни. Для

такого изображения не нужна ни крижа, ни фактическое изображение. Но идея древне-русского автобиографа была неизменно аскетична, когда вопрос об историческом факте выступал на передний план, тогда лишь, за жизнеописание которого он врался, стояло аскетическое отношение к историческим событиям, за которыми стояло аскетическое отношение к жизни, а сам он был аскетическим человеком, а не отшельником, чтобы забыть подробности жизни, чтобы забыть или пренебречь ими. До XVI и XVII вв. мало было наклонность к историческим распространениям, можно заметить в житиях князей и высших представителей церковной иерархии. Естественно, что верность к действительности, удаляясь от церковной сферы, в то время аскетизма, заставляла и писателя в автобиографическом материале выступать из жития, а не из жития, как жития в житиях и житиях. Но и в кругу монастырской жизни биографы встречались с людьми, чуждыми житию, его внимательности к простому житию, подробностям описываемой жизни. С половины XVII в. развитие монастырской колонизации выставляло ряды подвижников, основавших монастырские общины в отдаленных пустынях. Благоговейное воспоминание о них не скоро облеклось в форму церковного чествования, но возбудило желание сверечь, записать черты их жизни, пока они были живы в памяти. До церковной канонизации житиеписатели имели больше простора для своего пера, ибо они писали не для церковной службы, а для принятия в житиях обобщения опыта, а не для биографа, а для читателей-современников, в памяти которых подробности жизни человека, или знакомого, или своего, редкого вида еще не потеряли своего интереса. Жизнь одуряла собой и одуряла, а появление и размножение с XVII в. преимущественно простых биографических записок, авторы которых,

не принимая на себя обязанности писать полную биографию и не стесняясь рамками жития, живя с близости с житою и откровенностью излагая наиболее близкие и дорогие для них воспоминания.

Подъ какимъ вліяніемъ вырабатывался міръ характера житій. Удаленіе отъ непосредственнаго вліянія церковнаго догматизма отразилось не на одномъ изборѣ биографическаго содержанія житія; можетъ быть еще замѣтнѣе отразилось на изложеніи этого содержанія. Удаляясь отъ своего первоначальнаго источника, биографія вернула другое условіе, тоже сдѣлавшееся уподобуясь искусственному стилю. Этотъ стиль былъ доступенъ и житописцамъ, имѣвшимъ скорѣе критическое вращеніе, т. е. очень немногимъ въ древне-русскомъ обществѣ; можно замѣтить даже, что многими составителями житій отъ этого не подорванъ, и они часто отступали отъ него отъ видимыхъ прискорбій. Между житами въ письменности XVII в. сохранились указанія, что житія распространялись и съ мововою читались не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ обществахъ. Стихотворенія житій стали для грамотныхъ людей однимъ изъ проявленій усердія къ памяти святой, дѣлались по отову въ домодни. Варианты, представляемые житописцами наиболее распространены въ многочисленныхъ спискахъ житій, могутъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ тому, что самое усильное переписки житій для глумки, не посвященной въ тонкости высокаго слога, упрощало и изложеніе на сколько это зависело отъ житописца.

Въ связи съ этимъ разномыслиемъ житописцевъ монашеской школы 3-е условіе, которое еще сильнѣе было въ монашескихъ сочиненіяхъ величійнаго смирнаго-скаго изысканности въ литературѣ житій XVII и XVIII вв. Большинство житій появившихся до этого времени, написано было въ городскихъ и монашескихъ, бывшихъ

Ладъ II

средоточеніе книжнаго образованія, гдѣ не было нѣдоедайка въ литературныхъ маѣстрахъ для изображенія подвиговъ еще несомнѣнныя дѣятели, прославленные церковно. Распространеніе же монастырей въ тихихъ пустыняхъ сообра пошло уровень образованія среди монашества, надвигавшагося изъ земной материальной массы. Когда же эти монастыри были богаты преданіями и памятнымъ дѣятели, а между тѣмъ въ средѣ братій не имѣли людей, умѣющихъ писать, то эти преданія изустно ходили до тѣхъ поръ, пока какой-либо гость или инокъ, изъ какой-либо грамоты, не записывалъ преданія. Разномыслие заставило позволять считать выводъ, что искусственность сѣмья жила находитъ въ обратномъ отношеніи къ той литературному распространению. Совокупное дѣйствіе этихъ условий привело къ тому, что памятники автобиографіи, въ которыхъ церковно-иерархическіе прѣлаты низведены до полнаго паденія.

Историческій элементъ житій

Источники житій. Главное значеніе въ литературѣ житій по многому дѣйствію и внутреннему качеству имѣли историческіе источники. Первое место между ними занимаютъ живые свидѣтели, самовидцы и памятники "святого", въ числу которыхъ много принадлежатъ и сами биографы. Последнее, впрочемъ, было сравнительно рѣдкимъ случаемъ. Чаще бывшіе самовидцы представляли свои воспоминанія о святомъ биографу, который не зналъ лично. Въ монастыряхъ дошедшимъ, описавшимъ древнихъ оцъ и старшихъ свѣтѣхъ и ихъ покаяніе. За ними следуютъ "документальные скаданіи", чрезвычайно разнообразное по степени документальности; въ нихъ описаны и мѣсты, получившіе свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ, отъ ближайшихъ учениковъ святого, и мѣсты, до которыхъ эти свѣдѣнія доходили въ видѣ слухной легенды, не понимая своей происхожденія. Впрочемъ, равнѣнное отношеніе самовидцевъ и документальныхъ скаданіи къ святому было посещено не всегда рѣдко опредѣляло сравнительное достоинство ихъ, какъ историческихъ источниковъ.

Невозможно точно опредѣлить степень участія въ житіяхъ

писанных источников сравнительно изустными; сами
 враздн выражаются въ зрѣніи не всегда ясно и доверчивыми
 изречениями называют иногда составитель первоначальныхъ запи-
 сок. Вообще, не сдѣлавъ воспроизведение факта и главной задачи своего
 труда и найдя самую надежную опору для своего повествования
 въ авторитет не въ свойствахъ фактическихъ источниковъ, писатель
 въ большей частіи не описывалъ нумеромъ подробно разсказывать
 и описывалъ, описывая довольно сообщаемыхъ или свѣдѣній. По равноду-
 шію въ значительной степени объясняется и односторонность, огул-
 ная написаніе житія. Ближайшей публикой, и мно-
 жествомъ въ виду у автора, была братія одного съ нимъ монаше-
 ра, которая сама хорошо знала, чѣмъ оно могло воспользова-
 ться своего труда. Поэтому оно ограничивалось иногда замѣ-
 чаніемъ, что отбавляясь на такой трудъ потону, что
 изрѣчно впадавъ даже и въ "жизни" своего и въ преду-
 сужденіе недостоверности вопросовъ, прибавлялъ: "да не поду-
 маешь кто нибудь, что я незнаю истинны о старомъ,
 и до я писалъ со словъ доверчивыхъ свидѣтелей о ста-
 ромъ" и подобное въ зрѣніи родъ. Вообще, очень немногіе говорили
 о томъ, какъ искать въ изустно собираемыхъ матеріалахъ для житія или прова-
 ритъ свой разсказъ.

Опредѣляя поэтому характеръ письменныхъ источниковъ въ литера-
 турѣ житія, едва ли можно ошибиться, сказавъ, что имъ мѣсто
 въ житіи второстепенное мѣсто предъ изустными. После са-
 мовидцевъ и доверчивыхъ сказавшихъ всеобщаго авторитетъ
 монаха на старые записки или свѣдѣнія. (Вольная частъ
 повидна, вѣрнее, и изъ письменнаго обращенія житія-
 ми. По изустнымъ запискамъ, точно также по отзы-
 вамъ житій, о которыхъ изъ пропавшихъ записокъ видно,
 что биографу иногда оставались обширные и исполненные
 подробностей разсказы, не письменные и книжного
 искусства. Иногда представить свой разсказъ въ связи съ общи-
 ми историческими событіями, въ которыхъ принималъ уча-
 стіе описываемый свѣтъ, биографы иногда обращались къ общимъ

мѣтотисси.

Житіе не оканчивалось кончиной святого, для изображенія помертвнаго продолженія подвѣательности біографъ гораздо чаще находилъ въ монастырѣ обильныя записки, похвалы на мѣртвыхъ. Помертвныя чудеса основаны были являлись въ монастырской жизни, которыми былое всего дорожили братія. Указанія на монастырскую книгу чудесъ встрѣчаемъ даже тамъ гдѣ, благодаря небрежности или малограмотности монаховъ, не сохранялось никакихъ записокъ о основаніи и первоначальной судьбѣ монастыря. Пространное, правильно составленное житіе безъ помертвныхъ чудесъ — чрезвычайное редкое исключеніе. Напротивъ, иногда повсюду о жизни святого поодѣлу и поодѣлѣтѣ являлся не болѣе, какъ домысливъ предположеніе къ гораздо болѣе обширному и тщательнѣе составленному описанію чудесъ.

Отношеніе авторовъ житій къ фактамъ.

Все условія, вліявшія на литературу житій, были въ основѣ житія церковно-моралистическій взглядъ на людей и ихъ дѣянія. Было бы однако же болѣе ошудкой думать, что біографъ святого слѣдуетъ въ точности описывать историческія мѣраности, для котораго поучительны въ исторіи и упоминанія о нравственномъ идеалѣ. Древнерусское міросозерцаніе, на которомъ строили біографы, не способно подняться на такую моральную абстракцію. Точнѣе опредѣливъ отношеніе созерцаніе, скажемъ, что оно искало только непосредственныхъ наглядныхъ задачъ біографа передъ такими предположеніями было извлечь изъ описываемой дѣятельности графическіе уроки жизни, представить въ біографическомъ чертахъ нравственныхъ парадигмы. Полнѣе равнодушіе, съ какими біографы относились къ біографическому факту, въ его истинно простой простотѣ. Это фактъ иль въ немъ цѣну только той оторочкой, которая укладывалась въ описываемыя выше рамки жизни. Такое отношеніе къ факту сообщало біографическому содержанію житій

отличенность, которая дѣлаетъ его неумовленнымъ для простаго повторенія: дорога лишь той стороны явленій, которая обращена къ идеалу, биографъ забывалъ о подробностяхъ обстановки и времени, безъ чего для историка не существовать историческаго факта.

324. Ахтм.

Библиографія:

Зверевъ. Древнѣйшее русское право въ его историческомъ развитіи. С. 1833.

Токмоу. Очеркъ юридическаго вѣда по русской правдѣ. М. М. Н. Пр. 1897 г. VII.

Каченовскій. Изъ разсужденій о русской правдѣ (Чл. Зап. Моск. Уч. 1835 г.).

П. Е. (Токмоу) О русской правдѣ. Сынъ Отеч. т. С. XXV.

Сергеевичъ. Вѣче и князь.

Артемьевъ. Русскія юридическія древности. т. II.

Владимирскій-Будановъ. Исторія русскаго права.

Давыдовъ. Источники права и суда въ древней Руси.

Загоскинъ. Уставная грамота XIV-XVI в. Казань. 1875

Ключевскій. Боярская Дума.

Дьяконовъ. Власть московскихъ государей.

Медановъ. Церковно-земскій соборъ 1551 г. (Истор. Вѣст. 1880. № 2).

Кедровъ. Духовный регламентъ въ связи съ законодательной дѣятельностью.

С. М. Соловьевъ. О сибирскихъ вѣщахъ. Моск. Вѣст. 1897 г.

Во обществѣ первоначальныхъ, не знающихъ еще письменности, все отношенія и недоразумѣнія между членами опредѣляются и рѣшаются на основаніи обычая, основаннаго на религіозныхъ вѣрованіяхъ. На основаніи этого обычая рѣшеніе, напр., какого либо недоразумѣнія, выражающаго въ приговорѣ старшихъ и закрѣпленнаго какою либо символическою обрядомъ, играющимъ